

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 145 (3329)

Вторник, 7 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Силы мира — непобедимы (1 стр.). На собраниях писателей Москвы и Ленинграда (1 стр.). Из опыта советской литературы. Дмитрий Холандер. — Путь к герою (2 стр.). ПРЕДСЕДЗДОВСКАЯ ТРИБУНА: А. Воинов. — Редактор, издательство, писатель; В. Ситни. — Увеличить выпуск новых книг! (2 стр.). Павел Антокольский. — Оптимизм обоснован; Мирмухсин. — Мысли о поэме; С. Шугут. — Почувствовать красоту жизни (3—4 стр.). Вернер Ильберг. — Идея реванша и идея мира в литературе Западной Германии (4 стр.).

Крепнуть могущество Родины

Бывают в жизни события, которые проходят через сердца всех честных людей. Таким событием явилось Московское Совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. Все советские люди с воодушевлением ждали очередных сообщений о его работе. Принятая этим Совещанием Декларация вызвала широчайший, поистине всенародный отклик.

«Старейший в нашей стране вуз — Ленинградский университет имени А. А. Жданова с его почти пятнадцатитысячным коллективом студентов, профессорско-педагогического состава, рабочих и служащих. Едва стало известно о принятии Совещанием Декларации, как на всех двенадцати факультетах возникли митинги. В актовом зале филологического факультета выступили профессор, преподаватель, студенты. Убедительно и страстно прозвучали слова студента-филолога, участника Отечественной войны, белоруса Михаила Станкевича. Он сказал:

«Агрессивные круги Америки, Англии и Франции торопятся ратифицировать парижские соглашения, чтобы скорее возродить реваншистский новый вермахт. Мы будем бдительны и не позволим нарушить наш мирный созидательный труд. Мы будем всемерно укреплять дело мира.

На трибуне — профессор А. Кононов. Ученый говорит о роли советского народа, активно участвующего в великом преобразовании жизни всей страны, о долге научных работников в укреплении дела мира.

«Декларация — это новое свидетельство марровой политики, проводимой правительством миролюбивых государств», — сказала доцент Э. Якубовская. — Мы должны быть всегда готовы дать отпор любому агрессору. Такие же митинги состоялись и в других аудиториях и залах университета. С горячим одобрением Декларации выступили члены-корреспонденты Академии наук И. Старик, С. Фриш, профессора

Н. Голиков, Д. Фадеев, учащиеся в университете молодежь из стран народной демократии — китайцы, чехи, словаки, немцы, румыны.

С большим волнением слушал я эти выступления и думал о всепобеждающей силе правды — той правды, которая объединяет сердца миллионов людей на всех широтах земного шара, той правды, за которую без колебания шли на высочайший акт самопожертвования и советский партийный герой Александр Матросов и повзрослевший его полбрат Ким Ир Сен, кореец Ким Сен Дин, вьетнамец Тран Ку.

Такая правда непобедима!

Павел ЖУРБА

ЛЕНИНГРАД

Искренние стремления

КНЕВ. (Наш корр.). Украинские писатели горячо приветствуют Декларацию Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. В клубе писателей собралась литературная общественность города. Митинг открыл Б. Палийчук. Один за другим поднимаются на трибуну писатели. Они говорят о великом миролюбивом советском народе, исполненном сил и желания отстоять дело мира во всем мире, о большом историческом значении Московского Совещания европейских стран, продемонстрировавшего искренние стремления к мирному разрешению международных проблем.

В. Союра, М. Руденко, Л. Вышеславский, Н. Тихий, Ю. Бурлай в своих выступлениях подчеркивали, что мирные предложения государств лагеря мира и демократии продиктованы не слабостью, а силой, не страхом перед угрозами поджигателей войны, а твердым сознанием своей мощи.

Митинг киевских писателей единодушно принял резолюцию, приветствующую братерную Декларацию, принятую на Московском Совещании, и призвал всех писателей неутомимо и энергично бороться за дело мира.

Изучение опыта писателей

На днях состоялось расширенное заседание ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького, посвященное изучению творческого опыта советских писателей в критике и литературоведении последних лет.

Заседание открыл директор института И. Анисимов. Был заслушан вступительный доклад проф. Л. Тимофеева, в котором говорилось, что у нас уже имеются серьезные работы от отдельных писателей. Главный недостаток этих работ — слабый анализ художественной формы.

В обсуждении доклада приняли участие Л. Поляк, Л. Скориня, Н. Дихушина, С. Шугут, И. Астахов, В. Ковалев, Е. Гринберг, Т. Трифонова, Л. Ершов, Е. Тагер, Б. Костелянец и др.

Большинство выступавших говорило о том, что самым насущным вопросом является изучение мастерства советских писателей. Был подвергнут резкой критике примитивный, вульгаризаторский подход к анализу художественной формы. В ряде выступлений прозвучала мысль о необходимости создания специального критического журнала, что позволит более углубленно изучать творческий опыт советской литературы.

Подводя итоги заседания, И. Анисимов одобрил инициативу сектора советской литературы, организовавшего эту встречу литературоведов и критиков. Он сообщил, что сектор теории литературы института намерен развернуть более интенсивную работу в области теории. Сектор готовит сборник «Вопросы теории литературы».

Несмотря на несомненную плодотворность состоявшегося обсуждения, ему не хватало глубокого конкретного разбора уже имеющихся трудов о советской литературе.

Литературные встречи

В столице и Подмосковье продолжают литературные вечера, посвященные Второму всесоюзному съезду писателей.

На днях литераторы Москвы побывали в гостях у рабочих 1-го государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича. М. Бубеннов представил присутствовавшим на встрече советских писателей и зарубежных гостей — Джеба Линдеса, Балванта Гарги и Али Сардар Джафри. Во вступительном слове А. Караганов рассказал о развитии литературы между двумя съездами.

Читатели — слесарь И. Ряховский, сотрудник заводской газеты «Сталинский призыв» Е. Бывковский, рабочий отделения главного механика П. Кокорин и другие — высказали свои пожелания предстоящему съезду. Своими воспоминаниями о Первом съезде писателей и о встречах с А. М. Горьким поделился Л. Никулин. О поездке в Чехословакию, в связи с месячным чехословакско-советской дружбы, рассказала В. Инбер. Отрывки из повести «Ясные дали» прочитал А. Андреев. Стихи читали Н. Грибачев и С. Васильев.

За последние дни литературные вечера состоялись также в клубе завода «Серп и молот». Центральном доме железнодорожников, Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, Академии имени М. В. Фрунзе, на Красногорском заводе, на заводе «Компрессор», в гарнизонном Доме офицеров, в городском театре Орехово-Зуева и т. д.

В этих вечерах участвовало более шестидесяти писателей.

Приезд албанских писателей

В Москву на Второй съезд советских писателей в качестве гостей прибыли албанские писатели — Димитр Шутерича (председатель Союза албанских писателей) и Фатмир Гьята.

ИНТЕРЕС К ИНОСТРАННОЙ КНИГЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Интерес к иностранной книге в нашей стране очень велик. Достаточно сказать, что за годы советской власти, по данным Всесоюзной книжной палаты, издано 279 миллионов 206 тысяч экземпляров книг зарубежных писателей. Если при этом учесть, что каждую кулечную книгу прочитывает не только ее владелец, но и члены его семьи и друзья, — можно представить, какое количество читателей находит иностранная литература в Советском Союзе!

Речь идет, разумеется, не только о русских, а обо всех советских читателях, ибо иностранная литература издается у нас на 63 языках народов нашей многонациональной Родины. Карта справа показывает, как широко переводятся произведения зарубежной литературы в союзных и автономных республиках, а также некоторых автономных областях.

Но карта не может дать полное представление о том, насколько доступна иностранная книга народам СССР. Легины, таты, кабардинцы, адыгейцы, черкесы, тувинцы, коряки, нанайцы, чукчи, эвенки читают на родном языке произведения американских, английских, французских, немецких, итальянских, китайских и других зарубежных писателей. Разве не знаменательно, например, что на каракалпакском языке переведены книги писателей четырех стран, на осетинский — восемь, на еврей-

ИНОСТРАННАЯ КНИГА В СССР

ский — тринадцать стран и т. д. Какая гигантская работа переводчиков скрывается за этими цифрами! Ведь большинство произведений зарубежных писателей выпускается в новых переводах. С каждым годом культура перевода растет, и заслугу переводчиков перед советской литературой трудно переоценить, особенно теперь, когда так расширились наши международные культурные связи и с каждым годом увеличивается выпуск иностранных книг в СССР.

Всего большей интерес вызывает у читателей классическая литература. Известно, что в магазинах возникают очереди, когда объявляется подписка на собрания сочинений, скажем, Т. Драйзера, Дж. Лондона, Р. Роллана, Жюль Верна, В. Гюго, выпускаемые массовыми тиражами, хотя их книги издавались за годы советской власти неоднократно. Недаром говорят, что некоторые иностранные писатели нашли в СССР свою вторую родину. Тираж произведений В. Шекспира превысил два с половиной миллиона. Только «Гамлет» издавался около сорока раз на девятнадцати языках. Всего вышло 223 издания произведений Шекспира на 25 языках — Шекспира, так трудно поддающегося переводу!

Вот перечень иностранных писателей, произведения кото-

рых изданы у нас наибольшими тиражами. Дж. Лондон — общий тираж более 12 миллионов экземпляров, 632 издания на 31 языке; В. Гюго — около 9 миллионов экземпляров, 317 изданий на 44 языках; М. Твен — свыше 7 миллионов 700 тысяч экземпляров, 101 издание на 34 языках; О. Балзак — свыше 6 миллионов экземпляров, 161 издание на 16 языках; Ж. Верн — около 6 миллионов экземпляров, 237 изданий на 22 языках; Г. Мопссан — около 6 миллионов экземпляров, 264 издания на 16 языках; М. Твен — около 6 миллионов экземпляров, 198 изданий на 24 языках; Ч. Диккенс — почти 4 с половиной миллиона экземпляров, 157 изданий на 16 языках; Э. Золя — свыше 3 с половиной миллионов экземпляров, 164 издания на 15 языках; Особенно широко представлена у нас французская литература. За годы советской власти издано 3 663 книги 418 авторов, в количестве 76 882 тысяч экземпляров. Книги Р. Роллана изданы почти 2 1/2 миллионными тиражами. Они переведены на двадцать языков народов СССР. Примерно таким тиражи произведений А. Барбюса, изданных на 22 языках, А. Франса и других.

А. Фадеев, выступая в 1949 году на конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту автора интереса советских лю-

дей к американскому народу тиражи. Дж. Лондон — общий тираж более 12 миллионов экземпляров, 632 издания на 31 языке; В. Гюго — около 9 миллионов экземпляров, 317 изданий на 44 языках; М. Твен — свыше 7 миллионов 700 тысяч экземпляров, 101 издание на 34 языках; О. Балзак — свыше 6 миллионов экземпляров, 161 издание на 16 языках; Ж. Верн — около 6 миллионов экземпляров, 237 изданий на 22 языках; Г. Мопссан — около 6 миллионов экземпляров, 264 издания на 16 языках; М. Твен — около 6 миллионов экземпляров, 198 изданий на 24 языках; Ч. Диккенс — почти 4 с половиной миллиона экземпляров, 157 изданий на 16 языках; Э. Золя — свыше 3 с половиной миллионов экземпляров, 164 издания на 15 языках; Особенно широко представлена у нас французская литература. За годы советской власти издано 3 663 книги 418 авторов, в количестве 76 882 тысяч экземпляров. Книги Р. Роллана изданы почти 2 1/2 миллионными тиражами. Они переведены на двадцать языков народов СССР. Примерно таким тиражи произведений А. Барбюса, изданных на 22 языках, А. Франса и других.

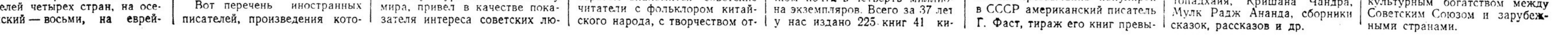
А. Фадеев, выступая в 1949 году на конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту автора интереса советских лю-

дельных писателей. Только произведения Лу Синя изданы 27 раз; пять раз выходило собрание его избранных произведений. Дружеское сближение со странами демократического лагеря значительно обогатило нашу переводную литературу. Появились книги А. Ирисека, Я. Неруды (Чехословакия), А. Мицкевича, Э. Ожешко, М. Конопницкой, Б. Пруса (Польша), И. Вазова, Елинеки, Г. Карастанова (Болгария), А. Сакхия, М. Садовяну (Румыния) и многих других писателей; вышли также сборники прозы и поэтические антологии. Но надо тут же сказать, что издание книг этих стран ведется недостаточно планомерно, за что в печати уже критиковалась работа издательства.

С живым интересом следят читатели за современной иностранной прогрессивной литературой. Одним из любимых произведений советских людей стало «Слово перед казнью» Ю. Фучика, изданное около пятисот раз на 29 языках. 16 изданий выдержала книга китайской писательницы Син Лин «Солнце над рекой Санган». За последние три года изданы «Избранное» Го Мо-жо и его рассказы общим тиражом почти в четверть миллиона экземпляров. Всего за 37 лет у нас издано 225 книг 41 ки-

тайского писателя на 28 языках. Произведения А. Стиля вышли примерно в двух миллионах экземпляров; его роман «Первый удар» переведен на украинский, казахский, латышский, литовский, узбекский, эстонский языки. Чрезвычайно популярна в СССР американский писатель Ф. Фаст, тираж его книг превы-

сил два миллиона экземпляров. Широко известны произведения немецкого писателя А. Зеллера. И. Беккера, В. Бределя, 91 раз изданы у нас произведения Б. Келлермана. Впервые в этом году читатели получили ряд книг индийских писателей: Валатхала, Хариндраната Чаттопадхайа, Кришана Чандра, Мулк Радж Ананда, сборники сказок, рассказов и др. Недавно в «Литературной газете» была приведена карта с обозначением «маршрутов» советской книги по сорока двум странам изобразить «маршруты» этой карты во многом совпали с теми, которые были в СССР. Так совершается обмен культурным богатством между Советским Союзом и зарубежными странами.

Цифрами обозначено количество зарубежных стран, писатели которых переведены на языки народов и народностей СССР

Редактор, издательство, писатель

А. ВОИНОВ, старший редактор Гослитиздата

достатки. И, пожалуй, главный из них — в недооценке роли редактора как деятеля и творческого работника литературы. Из-за этого подчас и возникают ошибки в подборе литературных кадров.

Специфика редакторского труда заключается в том, что труд его плечом к плечу с писателем над усовершенствованием рукописи требует, как непрерывного условия, взаимного доверия и взаимного понимания. Успех дела во многом зависит от личных качеств редактора, от его такта и таланта. Ему приходится работать и с молодыми писателями, и с зрелыми мастерами, и с теми, кто умеет прислушиваться к мнению первого читателя, как часто называют редактора, и с теми саванниками от литературы, которые даже грамматические ошибки готовы объявлять особенностями своего художественного стиля.

Воспитание хорошего редактора — результат многих лет упорной творческой учебы. Для редактирования новых книг, при живой работе с писателями, нужно дарование, пусть особое — редакторское, но обязательное для успеха дела. И это надо учитывать при подборе редакторов.

В чем же первоочередная задача наших издательств? Конечно, она заключается в том, чтобы повысить уровень редакционной работы. Этого нельзя будет достигнуть, если Совет писателей, органы Главлита Министерства культуры, да и сами издательства не изменят своего отношения к редактору. Нужно внимательно просмотреть редакционные кадры с точки зрения их литературной квалификации, освободиться от тех, кто явно не на своем месте.

Серьезные претензии надо предъявлять, в первую очередь, к Совету писателей. По своему уставу ССП объединяет писателей, переводчиков и критиков. Редакторы же оказываются за пределами литературной организации. Почему? Якобы потому, что редактор не является автором литературного произведения. Да, это так. Но разве квалифицированный редактор, много лет проработавший в литературе, помогший многим молодым писателям стать на ноги, — не литератор? Разве можно талантливую работу редактора считать лишь проявлением сугубо служебных функций?

Нет никакого сомнения в том, что было бы интересно и полезно проследить на протяжении многих лет редакторскую работу К. Федина, С. Маршала, А. Фадеева. У нас нет ни одной статьи, посвященной таким интересным и значительным редакторским опытам, как, например, долготная работа Н. Замощкина, Ю. Лукина, редактора многих значительных книг, в том числе «Тихого Дона» М. Шолохова, Н. Немчиновой, выпустившей целую серию блестящих переводов с французского, Т. Габее, редактора таких различных книг, как «Горы и люди» М. Ильина и «Студенты» Ю. Трифонова.

Можно назвать еще немало имен опытных и даровитых редакторов, чью работу стоило бы осветить. Это, например, А. Садовский, С. Смирнов, А. Котов, В. Закс, К. Пискунов, А. Юлессен, В. Морозова, С. Разумовская, З. Кузьманова, Г. Граник и многие другие. Если бы многолетний труд всех этих редакторов был по-настоящему изучен, мы, вероятно, избегли бы в дальнейшем многих ошибок.

Кстати, об ошибках. Принято считать работу редактора своеобразным видом устной критики. Оценивая изданную книгу, критики пишущие обычно обвиняют во всех замеченных недостатках не только автора, но и «устного критика» — редактора. Носомненно, что редактор, участвуя в работе над книгой, отвечает за нее перед общественностью. Но не следует забывать, что автору, может быть, просто не удалось дотянуть свою книгу до то-

го уровня, который имел в виду редактор. Подписывая книгу к печати, редактор в таких случаях откладывает себе отчет в том, что в ней имеются те или другие недостатки. Это не значит, что он имеет право выпустить плохие книги. Но если в хорошей книге есть недочеты, то иной раз не только можно, но и должно выпустить ее такой, какая она получилась. Пусть от хороших к лучшим не так-то просто. А от лучшего к совершенному — бесконечно труден.

Как известно, до Отечественной войны Гослитиздат, наряду с издательствами «Советский писатель» и «Молодая гвардия», издавал книги первым изданием. После окончания войны, когда возникла государственная необходимость возобновления книжного фонда библиотек, уничтоженных гитлеровцами, на Гослитиздат было возложено переиздание массовыми тиражами лучших книг русской классической, советской и иностранной литературы.

Думается, что сейчас нужно несколько изменить профиль работы Гослитиздата, организовать в нем редакцию по изданию новых книг.

Занимаясь лишь переизданием книг, Гослитиздат не осуществляет важнейших функций, которые возлагаются на каждое советское издательство, — мы имеем в виду воспитание новых кадров литературы — молодых писателей. Сейчас, когда наша литература растет со дня на день, когда каждый год появляются новые писательские имена, было бы правильным, если бы крупнейшее наше издательство теснее связалось с писательской молодежью.

Надо поговорить и о новых типах массовых изданий и о тиражах. Следовало бы обдумать систему издания книг, при которой были бы отменены всякого рода «обычные» и «массовые» тиражи.

Сейчас установление единицы тиража в пятнадцать, тридцать, семьдесят пять, сто тысяч экземпляров и т. д. не имеет под собой никакой иной основы, кроме желания отрегулировать размер авторского гонорара. Однако в издательской практике мы часто встречаемся со случаями, когда стремление сэкономить на авторском гонораре приводит к тому, что какая-либо книга издается в чрезмерно большом количестве экземпляров. В то же время издательство не имеет возможности правильно распределить бумажные фонды, соборно заявляя киниторговым организациям. Предположим, Киниторг дает заявку на сорок тысяч экземпляров уже ранее выпущенной книги. Издательство, при существующем положении вещей, заключает договор с автором на 75 или 100 тысяч экземпляров. Так искусственно создается избыток одних книг, в то время как многие другие должны долго ждать своей очереди.

Если коренным образом пересмотреть порядок изданий и установить оплату за точное количество выпущенных экземпляров, издательства получат возможность планировать не условные, а совершенно реальные тиражи, соответствующие читательскому спросу на книгу. Высвободятся значительные бумажные резервы, которые могут быть использованы на издание нужных читателю книг.

В заключение хочется сказать несколько критических слов в адрес министра культуры СССР тов. Александрова и руководителя Главлита тов. Голышкова. Почему-то так повелось, что руководители издательского дела интересуются лишь планами издательства, бумагой, полиграфией и не видят никого из тех людей, кто эти планы осуществляет.

Это касается не только редакторов центральных издательств, но особенно тех, кто работает в областных издательствах. Ведь и там есть много хороших работников, помогающих писателям в создании книг, которые завоевали всесоюзную известность. Надо решить многие вопросы, важные для издательства. Они касаются идейного и творческого воспитания редакторов, организации редакционной работы, материальных условий.

Дело создания советской литературы — общенародное дело. И место редакторов в этом деле настолько ответственно, что о них не следует забывать.

Во многих своих выступлениях, посвященных вопросам организации советской литературы, М. Горький неоднократно говорил о важной роли редакторов. Он подчеркивал, что наряду с талантливыми писателями нам нужны «кадры культурных редакторов, имеющих достаточную политическую и литературную подготовку».

За годы, минувшие после Первого съезда писателей, советская литература прошла большой путь развития. Появились новые писательские имена, новые выдающиеся произведения. В общем деле создания советской литературы участвуют и редакторы. В большинстве случаев это люди, любящие литературу, отдающие все свои силы благородной задаче создания книги.

Между тем нам нередко приходится слышать различные противоречивые, иной раз довольно пристрастные суждения о редакторе и его труде. Один маститый писатель, например, категорически утверждал, что редакторы только мешают ему работать, что институт редакторов необходимо упразднить, а его функции передать коллегам писателей. Эти коллеги, по его мнению, должны рассматривать предложенное к изданию произведение и, если оно хорошее, — печатать, если плохое, — отвергать.

Существует и совершенно противоположная точка зрения. Она много потрудившаяся в литературе писательница, не отрицающая пользы, которую приносит рукописи редактор, решительно требует, чтобы редакторы сами не писали. «У пишущего редактора, — говорит она, — есть своя творческая позиция, свои мысли, которые он невольно навязывает писателю. А для меня редактор приемлем только тогда, когда он утверждает мои мысли, мои творческие позиции».

Нет сомнения в том, что большинство писателей не разделяет ни той, ни другой точки зрения, и вряд ли надо всерьез доказывать, что тщательная и тонкая редакция приносит книге не вред, а пользу.

Конечно, когда в качестве редактора выступает писатель, это и для отдельной книги и для литературы в целом — лучшее всего. Огромное значение для нашей литературы имела редакторская деятельность М. Горького. И приходится лишь пожалеть о том, что эта горьковская традиция во многом утеряна. В наши дни старшее поколение писателей, по существу, устранено от воспитания молодежи.

Думается, что перед Вторым съездом писателей в общей сумме творческих и организационных проблем важно было бы поставить вопрос о значении и месте редактора в литературном процессе.

Редактор — это ближайший помощник писателя. Весь путь книги, часто от самого рождения замысла до минуты, когда готовая, она уходит на суд критики и читателей, он — рядом с автором.

Совершенно ясно, что достойным спутником писателя на этом нелегком пути может быть только человек, любящий литературу, умный, чуткий и терпеливый.

Разумеется, плохие редакторы существуют на свете, — так же как, впрочем, существуют и плохие писатели. Но, если говорить прямо, и писатели и руководители издательского дела часто видят в редакторе лишь служащую, главную обязанность которых является подписать книгу в набор и нести ответственность за возможные ошибки. На производственных совещаниях в издательствах принято говорить о том, что редактор является «центральной фигурой» издательства. Но за этими громкими словами, как правило, нет подлинного желания укрепить авторитет редактора, организовать дело так, чтобы для работы над рукописью были созданы соответствующие условия. Обычно наиболее квалифицированные редакторы должны сдавать в набор 250—300 авторских листов в год; они обязаны читать гранки, верстки, сверки, вести большую организационную работу. Проходит время, и редактор в этой непрерывной спешке теряет квалификацию. Ему некогда думать. Он должен читать.

Можно с уверенностью сказать, что постановка редакционной работы в таких крупных издательствах, как «Советский писатель», Гослитиздат, «Молодая гвардия», страдает многими существенными не-

Увеличить выпуск новых книг!

В. СЫТИН

Издательское дело у нас получило огромное развитие. Однако в практике издательства, выпускающих художественную литературу, есть существенные недостатки. Один из них, пожалуй, наиболее серьезный, и о нем необходимо поговорить полным голосом перед Вторым всесоюзным съездом советских писателей. Дело в том, что наши центральные издательства в последние годы выпускают очень мало «новинки» художественной литературы, то есть впервые печатающиеся из книги произведения. Вот факты. Одно из крупнейших издательств — Гослитиздат в последние годы почти прекратил выпуск новинок. Издательство «Советский писатель» в 1951 году «порядка» 138 новых книг, в 1952 году — 126, а в 1953 году — всего лишь 104! Не лучшее обстоятельство — с выпуском новинок в издательствах «Молодая гвардия» и Детгиз.

К этому надо добавить, что Профиздат вообще перестал в последние годы выпускать художественную литературу, хотя это было давней традицией издательства наших профсоюзом. Незначительное в текущем году увеличение выпуска новинок, например, по издательству «Советский писатель», конечно, «не делает год», не может быть расценено, как переход в переломчатый писательских работ.

Почему же наши центральные издательства, примерно, как и институты в недавнем прошлом, не борются, выражаясь языком производственным, за увеличение количества продукции наряду и наравне с увеличением ее качества?

Повидному, причин, обуславливающих такое положение, несколько. Но, несомненно, одной из главных причин является то обстоятельство, что переиздавать уже оцененные советской общественностью произведения каждому издательству спокойнее и проще, чем печатать новинки. Ведь для определения идейно-художественного уровня произведения искусства нет прибора вроде ареометра, быстро и точно устанавливающего жирность молока, и печатая новинку, издательство неизбежно должно брать на себя ответственность за ее качество. А это, нечего греха таить, не всем товарищам издателем по душе!

Следует вспомнить также о том, что при существующих начальных тиражах впер-

вые публикуются книги произведения, особенно поэтические, как правило, приносят издательству значительный убыток. И для того, чтобы покрыть его, издательству необходимо выпустить массовыми тиражами доходящие переиздания и затратить на это львиную долю бумаги.

Однако было бы неправильно уменьшение ассортимента книг объяснять только, грубо говоря, перестраховкой, с одной стороны, и хозяйственным рачением, с другой. То, что наши центральные издательства выпускают мало новинок художественной литературы, есть также следствие неверных устремлений издавать только выдающиеся произведения, только шедевры.

Но, может быть, издательства издают мало новинок потому, что появляется мало достойных опубликования произведений? Факты говорят о другом. В последние годы приток рукописей увеличился.

Издательство «Советский писатель» в этом году получило почти вдвое больше рукописей, чем два года назад! Особенно важно сказать, что среди новых произведений, которые поступают в издательства от писателей-профессионалов и начинающих, немало хороших.

Об этом говорит, например, следующий факт: издательство «Советский писатель» смогло включить в план выпуска по разделу русской советской литературы лишь около 70 процентов предложенных авторами произведений, которые по своему качеству могли быть включены. И это значит, что около половины книг — романов, повестей, поэм, сборников рассказов, очерков и стихов как молодых, так и широко известных писателей, — задерживаются в рукописях практически на целый год.

В этом и состоит, с нашей точки зрения, главный вред неведения о новинках со стороны наших центральных издательств, выпускающих художественную литературу. Оно, это неведение, на месяцы и годы задерживает выход к народу новых литературных произведений, и в том числе, не-

ПУТЬ К ГЕРОЮ

Из опыта советской литературы

«Иди вперед и зови за собой» П. Павлинко

Дмитрий ХОЛЕНДРО

В третьем томе собрания сочинений П. Павлинко есть небольшой рассказ. Девушка-подружка с влюбленными кудряшками, с пестрым шарфиком в руках и старичок, «таким невиданным из себя, в очках, суматошным», — пассажиры полумавшего автобуса, решили двигаться дальше пешком. Но в туманном хаосе горной ночи они потеряли друг друга и не погибли только потому, что среди гула ветра, скрипа стволот и треска ветвей все время перекликались, «как два радиста, отделенные океаном».

Давно расстались два случайных попутчика, а в нашей памяти до сих пор еще звучит: «Эй, эй!.. А-а-э-эй!..». И в последних строчках рассказа вырисовывается облик самого писателя, говорящего о смысле жизни и своего труда словами, на которые неизменно отзывается наше сердце: «Главное — двигаться вперед и звать за собой. Пусть слаб колесо, пусть дрожит от усталости и перенапряжения, но иди, неутомимо иди вперед и зови за собой».

«А-а-э-эй!..» И услышанный в ответ: «Иду-у!».

Рассказ этот так и называется «Голос в пути». И написан он полемически. В нем недаром, хотя как бы и мимоходом, упоминается буинский «Перевал».

«День опять обдувает меня людьми и солнцем», — писал Иван Буин, — и опять надогол обманет меня... Где-то упаду я и уже навсегда останусь среди ночи и вьюги на горах и от века пустынных горах?».

Все другое у Петра Павлинко. Ни жуткого одиночества, ни «маленьких людей» в «маленьких хижинах», — никакой «мертвечины», пусть и обусловленной как-то в старом обществе, но зато и оптимизированной писателем, если вдуматься в кружение холодоветов и напыщенных фраз Бунина. «Всяческая жизнь» бьется в маленьком рассказе «Голос в пути», не ждая мигрирования с похоронами веры в человека.

Звать вперед — в этом весь Павлинко, то ради чего он жил и писал. Страстность его шага от жизни и была направлена на утверждение жизни. В творчестве Павлинко слыны восточные горьковские любовь к человеку с острым осознанием того писательского долга, о котором Маяковский сказал: «Я себя советским чувствую заводом, выработавшим счастье».

На страницах стремительной павлинковой прозы живут, действуют, борются замечательные люди, помогающие друг другу делать самые главные и трудные дела на земле. И есть в творчестве Павлинко один вопрос, всегда стоявший перед ним, одна увлекавшая его задача — создание образа героя современности, человека, который движется вперед и зовет за собой.

Советский народ, говоря словами Павлинко, взял действительность в переделку, и писатель в этом бурном и грандиозном процессе разглядел и верно оценил людей-организаторов, умеющих поднять массы на решение важных дел. Именно поэтому уже в «Нустыне», повести тридцатого года, Павлинко отдает предпочтение незаметному сначала Семену Ключаренкову, агенту по заготовке шерсти, перед индивидуально примечательными, броскими фигурами Манасина и Максимова. Талантливые инженеры, они терпят крах, потому что оторваны от народа.

Для Семена Ключаренкова само собой разумеется, что инженер не только «мастер домов, мостов и паровозов», а прежде всего «организатор рабочих сил для стройки домов и мостов». Он умеет обраться к людям. И еще он умеет говорить о хлопке, колхозах и семнадцатом годе. И дело здесь было вовсе не в красноречии, а в том, что он, Ключаренков, весь очень жизненный, земной.

Так Павлинко улавливает контуры характера своего завтрашнего героя, человека, который «всегда одно дело делает, чем бы ни занимался».

В романе «На Востоке» черты этого характера разбросаны по разным героям. Грандиозную жизнь показывает Павлинко: тайга строит и воет. Бурно растут люди. По словам самого писателя, он мечтал показать «штурм роста». Умение отыскивать и растить людей роднит и секретаря обкома Михаила Семеновича, и комиссара Шершавина, и геолога-коммуниста Шотмана, такого необходимого человека, как, когда он умер, сотней человек как бы стало меньше. О его смерти Михаил Семенович думает: «Вот умер не во-время», как будто и вправду мог выдаться такой день, когда он скажет Шотману: «Ну иди помри теперь, если хочешь».

Невозможно представить себе активного советского человека, равнодушного к судьбам мира и будущего всех народов. Советский человек участвует в решении этих судеб, и нельзя жить уже его, видеть и знать меньше, чем он, если хочешь верно его запечатлеть.

Еще в «Нустыне» появляется австрийский коммунист Вейсс, закинутый на окраину советской земли, как восточная зрелищная повесть революционных бурь. В романе «На Востоке» друзья Лузы — китайские партизаны бьют японских оккупантов, война, начатая империалистами, перерастает в войну советского народа и его друзей за счастье многих народов.

Действие «Тружеников мира» общедо разворачивается на широком историческом фоне — от сооружения Ферганского канала до событий, последовавших после разгрома фашизма. Первая книга показала, что Павлинко начал яркую эпопею о судьбах народов, о советском труженике, вышедшем «на передний край человечества».

Он был почти на всех фронтах Родины и на всех ее мирных стройках. Он так много видел, что иногда, кажется, дом служил ему только доброй передаточной станцией между двумя путешествиями.

Но что важнее всего, вокруг Павлинко, куда бы он ни приехал, собирались интересные люди, сосредоточивались интересные дела. Так было и в Крыму. Инженер-механик из института «Магарач» нес ему проект приспособления для тракторной вспашки виноградников. Старый колхозник-опытник писал о возрождении знаменитого сорта шеницы «Брымка». С приездом Павлинко стала заметной расти литературная молодежь, было создано отделение Союза писателей, начал издаваться литературный альманах.

«Путешествия», — писал Павлинко, — тогда лишь интересны, когда можно представить себя организатором данной страны». Не случайно поэтому в практике Павлинко такое огромное место занимала публицистика. Он писал много очерков о том, что видел, помогая новому утвердиться в жизни. И это было одновременно и его привилегией, обязанностью писателя-общественника и разведкой каждой новой темы.

Писатель и герой росли вместе — от книги к книге. В годы войны Воропаев вырос в душе писателя настолько, что в новых испытаниях он проявил себя как герой эпохи, а не отдельного произведения. У нас часто путают эти понятия! Надо было прожить не одну, а две такие жизни,

как воропаевская, чтобы почувствовать характер героя. Но факты можно придумать, но нельзя подделывать страсти.

Воропаев стоит вровень с героями многих книг, построенных на реальных судьбах и даже именах. Известно, что Павел Корчагин вырос из жизни Николая Островского, хотя и он не биографичен всецело. Воропаев еще более отвлечен от данных биографии писателя, но у них много перекликается: в молодости оба воевали у Бирова, служили пограничниками, позже прорывались к Дунаю, с юных лет — в партии; тихий юг приютил большого Павлинко; и здесь-то и появились «Счастье» и «Степное солнце». Но этой переклички могло и не быть в книге. Важно, что Воропаев явился духовным созданием писателя, жизнь которого тоже шла по главным рубежам эпохи, потому что главные рубежи проходят и через маленький Краснодар и через курортную Яту, подразаемаемую в «Счастье».

В Крыму родилось «воропаевское» движение. Офицеры в отставку пошли работать лекторами, пропагандистами в сельские районы, в колхозы. П. Павлинко говорил в ответ на их письмо, опубликованное в одной из крымских газет: «Вы рассказываете о том, что значила для вас моя книга «Счастье». И должен вам доложить, что она много означает и для меня. Она — книга моей судьбы».

«Никакие ошибки отныне не должны протаскивать писателю, кроме ошибок смелости»

Из письма П. Павлинко И. В. Вишневскому

Кое-где в статьях о положительном образе проскальзывали слова о том, будто некие «длиннющие воображение читателя» герои хороши и замечательны, да вот беда: либо они несут на себе черты исключительности, либо действуют в исключительных обстоятельствах. Ссылаются при этом на то, что Мересьев у Полтова оказался в необычной обстановке, и на то, что своего Воропаева Павлинко окружил чрезвычайными трудностями. Воропаев «вывалился из счастья, как из самолета». Тяжелое ранение вынудило его искать другую жизнь, не ту, к какой он привык и стремился. Он одинок. Жена умерла. Где-то в Москве, на чужих руках, — сын, которого он не может пока взять к себе, потому что был его никак не устроен. От любимой женщины он отказался, чтобы не связать ее собой. Он немощен, болен, и по какой-то минуте ему даже жалко, что он остался жив. Все надо начинать сначала. Исключительная обстановка!

Это и так и не так. Да, в очень трудные обстоятельства поставил писатель своего любимого героя. Но в них нет ничего противоречащего жизненной правде и, в условиях той поры, ничего исключительного. Не лучше ли тогда говорить не об «исключительности», а о смелом, серьезном изображении реальных трудностей, окружающих человека. Те реальные трудности, которые окружают героя в жизни, не требуют ни ораторичности, ни лакировки и должны присутствовать в книге, как правда, составляющая главную красоту искусства.

Другой писатель мог бы вычеркнуть Воропаева покоем. Павлинко нагружал его новыми заботами. Для этого нужно было показать и Ано Ступину, так странно прошедшую через фашистскую неволю, и чету Поднебеско, в одной шинели на двоих, и Терентия Гордцова, до беспомощности текущего по стене в тесных горах, где он остался «спонсер волы».

Все эти характеры не случайны. Воропаев окружает люди и трудности того времени. И никогда не пришло бы Павлинко извиняться перед читателями за искажение жизненной правды первого мирного года, за лакировку действительности, обережение героя от жизненных противоречий.

В начале романа Лена говорит Воропаеву о трудности жизни в Крыму в первое время после освобождения: «Все планы да планы, а мы, живые люди, где? Позаваливали нас этими планами выне головы».

— Это вы своего Корытова благодарите, — отвечает Воропаев. — В хороших руках план — дело необходимое».

И Воропаев борется с Корытовым, человеком, оторванным от народа, потерявшим облик партийного работника.

Воропаев посыл Павлинко в самую гущу жизни. Не может поступать иначе писатель, не боющийся ответственности за решение больших вопросов эпохи. И нельзя создать героя современности, оторванного от этих вопросов. Но Воропаев, никогда не бегущий ни от одного трудного дела и ни от одной трудной судьбы, вместе с тем и простой, и человеческий. Поэтому-то и слышен его голос, зовущий вперед.

В своем письме Вс. Вишневскому Павлинко вел разговор не только о смелости в выборе темы и в изображении человека, но и о смелости в поисках формы. Сколько мы ни говорим, что о хорошем нужно писать только хорошо, привычка амнистировать слабость формы из-за актуальности замысла или восторгаться словесными узорам, прикрывающими незначительность темы, еще живуча. Павлинко часто обращался к актуальным темам, но для него даже не существовало мысли, что этим можно испугнуть небрежностью хотя бы одной строчки.

Емкая образная фраза, полная подвижности, протестующая против каноничности, характерна для Павлинко. «Я был Россией, понимаешь?» — восклицает Воропаев в своем рассказе о вступлении в Союз. — И нес на своих плечах десять веков, разделивших нас», — эту фразу нельзя заменить несколькими страницами. Ноты авторского гнева слышны в отношении Воропаева к одному из персонажей романа, речь которого не ветвилась густой, размахистой, разнообразной фразой, потому что мысли его были «коротки, как палки».

Воропаев ухался еще и потому, что написан он вдохновенно и необычно, что «Счастье» построено на смелом сочетании лирики и публицистики. Но об этом трудно написать в короткой статье.

Павлинко — это не только «Счастье», а «Счастье» — не один Воропаев. Мы хотели проследить путь Петра Павлинко к Алексею Воропаеву, чтобы поговорить об опыте, важном для каждого, кто захочет запечатлеть образ передового современника по вдохновению и любви.

Оптимизм обоснован

Павел АНКОЛЬСКИЙ

В недавнюю напечатанную в «Литературной газете» статье В. Орлов справедливо и достаточно резко критикует выпущенный Гослитиздатом сборник «Русская советская поэзия».

В подзаголовке гослитиздатской книги указана дата: 1917—1952. Стало быть, книга была задумана к тридцатипятилетию Великого Октября.

А ведь такие сборники могли бы и должны были бы появляться у нас по крайней мере по разу в год.

Я убежден, что очень многие из вредных поводов могли бы — каждый по-своему — составить свою собственную «антологию советской поэзии» и каждая из этих антологий по-своему заинтересовала бы читателя.

У нас распространено глубокомысленно робкое, нарочито настороженное отношение к предметам и явлениям искусства, которые сами по себе ясны, просты, очевидны.

Как это неверно, как не соответствует природе нашего живого дела!

Заблуждение такого характера порождает периодически возникающий (кстати сказать, возникавший и во времена Маяковского), а сейчас особенно распространенный разговор о так называемом кризисе нашей поэзии.

С известной точки зрения, все, что живет, изменяется и растет, всегда находится в состоянии «кризиса».

Мы знаем совершенно другое, противоположное кризису. Мы знаем (и любим!) каждодневную работу, свою собственную и наших друзей, их трудную дорогу, их поиски, их надежду на тысячу тонн словесной руды добыть грамм ртуты.

Следует возможно чаще вспоминать и напоминать друг другу, что поэзия (впрочем, как и всякое другое искусство) — это веселое дело! Не ярно, не ноша за плечами, заставляющая горбиться, а крылья, выпрямляющие плечи! Да, крылья, не-

смотря на кислые улыбки рано состарившихся оценщиков и дегустаторов.

Многое мешает такому напоминанию! Между прочим мешает и весьма распространенное сейчас разделение поэзии по рубрикам так называемых жанров, схоластическое противопоставление лирики эпосу, с неизбежным предпочтением в ту или другую сторону. Откуда это выросло?

Только на деревянных глобусах и на бумажных картах различна черная линия экватора. Морями, плавущие в океане, в глаза не выдали этой черной черты.

Примеры я выбрал наудачу, руководствуясь личным пристрастием. Их можно было бы значительно увеличить. Может быть, найдутся и более убедительные.

Было бы весьма плодотворной и поучительной задачей для критики, для литературоведения проследить в смене наших поэтических поколений судьбы лирического героя советских поэтов.

Сколь же бесплодным делом представляется мне объединенный недавно в статье Н. Грибачева и С. Смирнова поход на лирического героя. Очевидно, он тоже вызван невниманием к живой, непрестанно обновляемой практике советских поэтов.

Я прошел над Алазанью, Над волшебною водой, Поседель, как сказанье, И, как песня, молодой.

В одном из замечательных стихотворений М. Луконина, в лучшем, с моей точки зрения, из его стихотворений, раскрыт процесс рождения лирического героя. Поэт рассказывает о самом себе, о раненом советском офицере. Дело происходит в госпитале. К автору обращается ослепший танкист с просьбой сочинить письмо любимой девушке.

В другом из замечательных стихотворений М. Луконина, в лучшем, с моей точки зрения, из его стихотворений, раскрыт процесс рождения лирического героя. Поэт рассказывает о самом себе, о раненом советском офицере. Дело происходит в госпитале. К автору обращается ослепший танкист с просьбой сочинить письмо любимой девушке.

С. ШУТ Почувствовать красоту деяния

Председовская дискуссия еще не кончена. Итоги ее будут подведены позднее. Но уже отчетливо определилась одна характеристика ее особенности. При всем различии отдельных выступлений, порою очень далеких друг от друга по своему предмету, уровню, темпераменту и убедительности, между ними есть глубокая внутренняя связь.

Вот почему необходимо, как мне кажется, начать обсуждение сложной теоретической и важной практической проблемы всестороннего изображения человека.

Должна ли быть «всесторонность» употреблена у нас преимущественно негативно и, главным образом, по отношению к так называемому производственному роману. Так уж повелось считать, что источник всех бед — односторонность и что спасти его можно только одним: изображением человека «соответственно всем сторонам жизни».

Вот почему необходимо, как мне кажется, начать обсуждение сложной теоретической и важной практической проблемы всестороннего изображения человека. Должна ли быть «всесторонность» употреблена у нас преимущественно негативно и, главным образом, по отношению к так называемому производственному роману.

Должна ли быть «всесторонность» употреблена у нас преимущественно негативно и, главным образом, по отношению к так называемому производственному роману. Так уж повелось считать, что источник всех бед — односторонность и что спасти его можно только одним: изображением человека «соответственно всем сторонам жизни».

Вот почему необходимо, как мне кажется, начать обсуждение сложной теоретической и важной практической проблемы всестороннего изображения человека. Должна ли быть «всесторонность» употреблена у нас преимущественно негативно и, главным образом, по отношению к так называемому производственному роману.

А я? А я молчать уже не вправе. Поручение мне, горят слова.

— Пиши! — диктуют мне они.

Летит строка. — Пиши о нас! Труби! — Я не смогу! — Ты сможешь! — Слов не знаю...

— Я дам слова! Ты только жизнь люби!

Так не только рождается у поэта его лирический герой, так рождается его право на лирического героя: право представлять в своей поэзии не только самого себя, но множество подобных себе.

Примеры я выбрал наудачу, руководствуясь личным пристрастием. Их можно было бы значительно увеличить. Может быть, найдутся и более убедительные.

Было бы весьма плодотворной и поучительной задачей для критики, для литературоведения проследить в смене наших поэтических поколений судьбы лирического героя советских поэтов.

Сколь же бесплодным делом представляется мне объединенный недавно в статье Н. Грибачева и С. Смирнова поход на лирического героя. Очевидно, он тоже вызван невниманием к живой, непрестанно обновляемой практике советских поэтов.

Я прошел над Алазанью, Над волшебною водой, Поседель, как сказанье, И, как песня, молодой.

В одном из замечательных стихотворений М. Луконина, в лучшем, с моей точки зрения, из его стихотворений, раскрыт процесс рождения лирического героя. Поэт рассказывает о самом себе, о раненом советском офицере. Дело происходит в госпитале. К автору обращается ослепший танкист с просьбой сочинить письмо любимой девушке.

В другом из замечательных стихотворений М. Луконина, в лучшем, с моей точки зрения, из его стихотворений, раскрыт процесс рождения лирического героя. Поэт рассказывает о самом себе, о раненом советском офицере. Дело происходит в госпитале. К автору обращается ослепший танкист с просьбой сочинить письмо любимой девушке.

Мысли о поэме

МИРМУХСИН

Хорошая поэма — это поэтическая симфония больших человеческих чувств, сильных страстей и характеров, высоких мечтаний, труда и борьбы: «Руслан и Людмила», «Полтава», «Медный всадник», «Дом на Руси жить хорошо», «Демон», «Мцыри», «Витязь в тигровой шкуре», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» — эти столь многообразные шедевры мировой литературы и сегодня волнуют нас своей горячей мыслью, силой чувств, глубиной образов.

Много нового, яркого и талантливого внесли в развитие жанра поэмы советские художники слова. У нас есть волнующие поэмы, глубокие по содержанию, правдиво отображающие жизнь, труд, борьбу советских людей, их чувства и переживания, поэмы, обладающие вдохновенной системой образов, искусно построенным сюжетом.

Главное, на мой взгляд, — это яркие образы наших современников, запечатленные в них. Каждый раздел, каждая строка поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» надолго останется в памяти.

И все-таки поэм, получивших долгую и большую жизнь, у нас еще очень и очень мало, а в последние годы поэтических произведений большого звучания почти не появилось.

Одной из основных причин, по моему мнению, является слабое знание писателями жизни, труда, быта нашего народа. В результате в некоторых поэтических произведениях все проблемы решаются очень легко, поверхностно, не волнуют читателя, дают мало пищи для его раздумий.

За последние годы узбекские поэты создали несколько поэм, большинство которых посвящено колхозной жизни, освоению новых земель.

Хотелось бы затронуть и некоторые вопросы художественной формы поэмы. Как и любое другое поэтическое произведение, она должна обладать яркой, новой образностью, она, естественно, и не могла обеспечить ему большего «простора для проявления», чем у соседей по роману.

«Художественная обрисовка характера в том и состоит», — писал Белинский, — что если он дан вам поэтом в известный момент своей жизни, вы уже сами можете рассказать всю его жизнь и до, и после этого момента».

При таком знании образа даже не возникает вопроса, ладит ли героиня с матерью своего мужа, хотя бы об этом не было сказано ни слова. Будет ли ладить Молчалина с отцом своей жены? Будет. Нужны ли нам специальные сцены, подтверждающие это? Нет, мы не сомневаемся в этом так же, как не сомневаемся в способности Молчалина ладить с собакой дворника, хотя и не были очевидцами этого живописного эпизода.

Итак, истинная всесторонность не нуждается в эмпирическом и эстетическом описании всех сторон человека, она невозможна без постижения главного и сущностного в нем. И здесь — уязвимое место многих последних наших книг о труде. Их порок не в том, что они бедны жизненным материалом и мало обогащают за счет несомненных сторон действительности — быта, семьи и т. п.

В. Кетлинская отнюдь не принадлежит к числу таких авторов. Тем показательнее, что и она не избежала этого заблуждения. С огорчением признавая, что очень любимой ею героиней — Алексей Полозов («Дни нашей жизни») не оказал желаемого воздействия на читателя, В. Кетлинская предполагает, что этому помешало отсутствие у героя «достаточного простора для проявления». А само отсутствие простора, по мнению писательницы, — результат «теории» бесконфликтности, которая «субвизуально» подталкивала героя, не давая ему крупно проявиться в действии».

интерес у читателей. Приблизительно то же получило у меня с поэмой «Абдулла Набиев». Я не сумел показать в ней настолько, большую, волнующую жизнь.

В споре между Л. Опшаниным и Н. Грибачевым более прав, по-моему, Н. Грибачев, который пытается нацелить какие-то общие принципы, особенности жанра. Л. Опшанин, возражая против «непрерывных особенностей», по сути дела, отвергает какие бы то ни было особенности жанра. А ведь они есть!

Мне представляется крайне плодотворной мысль И. Грибачева, что идея поэмы должна раскрываться прежде всего через конкретный образ героя, а не через хроникальное описание тех или иных эпизодов и событий. Я убежден, что и в лирической и в эпической поэме центральное место должен занимать один, основной герой. Об этом можно, конечно, спорить. Но я уверен, что успех поэмы во многом зависит от того, как сумел поэт раскрыть духовный мир своего главного героя и показать этого героя в действии, в борьбе.

В вопросе о главном герое поэмы у нас нет ясности, и это, естественно, приводит некоторых поэтов к неверному толкованию специфики жанра поэмы. В Узбекистане есть поэты, которые, написав длинное стихотворение, выдают его за поэму. Критериями при этом являются только количество строк и обилие персонажей.

В появившихся за последние годы многочисленных поэмах на колхозные темы — даже в лучших из них! — явственно ощущается отсутствие романтики. Да, именно романтики, высокого полета чувств, благородных свершений, пламенной мечты!

Говоря о романтике, я не могу не коснуться и темы любви в поэме. В большинстве классических поэм тема любви играет далеко не второстепенную роль: их сюжетная линия в большинстве случаев строилась на показе чувств и отношений двух влюбленных. Но многие наши поэты почему-то почти перестали писать о любви, а если и пишут, то как-то скорговоркой, стилизованно, мельком.

Вот, например, поэма Айбека «Девушки». В ней пять героинь, которые в годы войны создали звено и вышли на первое место в колхозе. Все как будто правильно. Однако читателя поэма не волнует. Автор обидел образ своих героинь, умышленно обходя тему любви, хотя материал поэмы открывал для этого большие возможности.

Хотелось бы затронуть и некоторые вопросы художественной формы поэмы. Как и любое другое поэтическое произведение, она должна обладать яркой, новой образностью, она, естественно, и не могла обеспечить ему большего «простора для проявления», чем у соседей по роману.

героев, она, естественно, и не могла обеспечить ему большего «простора для проявления», чем у соседей по роману. Почему же тогда они, не испытывая, в отличие от Полозова, творческого влияния «теории» бесконфликтности, не смогли проявиться, а Сема смог? Потому, очевидно, что им нечего было проявлять, а Сема было что.

Таким образом, характер проявляется не потому, что писатель предумышленно создал ему наиболее благоприятные условия; характер сам создает себе условия, порою даже вопреки воле автора.

А. Толстой не знал, «что случится с его героем через несколько страниц». Л. Толстой жаловался на своих героев, что они «делают иногда такие штуки», каких он «не желал бы». Об этом же писал и В. Короленко: «...вы, как художник, представляете себе известное лицо, характер, оно стало как живое в вашем воображении; с этого пор... оно уже конкретный факт и живет самостоятельной жизнью. Оно не может поступать по вашему приказанию, потому что должно поступать и поступать согласно своему характеру».

«Педагогические поэмы» и другие. И все эти герои живы более, чем сотни других литературных героев, нелюбо узнанными в быт, и еще долго будут радовать нас богатством своей души, раскрытой только через дело, но не утратившей от этого ни грамма своего многообразия и красоты.

«Педагогические поэмы» и другие. И все эти герои живы более, чем сотни других литературных героев, нелюбо узнанными в быт, и еще долго будут радовать нас богатством своей души, раскрытой только через дело, но не утратившей от этого ни грамма своего многообразия и красоты.

Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

Безность образа — это не бедность красок в парикамерных красавицах и созданных по их образцу героев обилие красок неперенотной густоты и отсутствие яркой индивидуальности. Но индивидуальность, используя метафору Горького, не бродявка и даже не сумка бородавков на лице, а тот, характерный именно для данного человека стержень его личности, «заострение» которого и должны служить все художественные средства. В «производственном» романе эта целенаправленность к характеру героя всех его элементов часто отсутствует. Именно так — безлично изображается зачастую обстановка действия. Каменский нечестно полураскрытого здания, в котором охватываешь промокшие, замерзшие и измученные комсомольцы — героические

— Привет, товарищи!
— Привет!
— Ну, как работа?
— Видишь сам:
С проклятым ветром сладу нет!
Как дальше быть? Что делать нам?
(Э. Рахим. «Дорога счастья».)

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

В самом деле: утверждают, что наши плохие романы о труде плохи потому, что они односторонни. Но ведь это — ужасный обман зрения. Среди «производственных» романов нет ни одного, в котором бы отсутствовала личная жизнь героя. А герои, несмотря на это, утруждают схематичны, бледны и бедны. Почему же?

Безность образа — это не бедность красок в парикамерных красавицах и созданных по их образцу героев обилие красок неперенотной густоты и отсутствие яркой индивидуальности. Но индивидуальность, используя метафору Горького, не бродявка и даже не сумка бородавков на лице, а тот, характерный именно для данного человека стержень его личности, «заострение» которого и должны служить все художественные средства. В «производственном» романе эта целенаправленность к характеру героя всех его элементов часто отсутствует. Именно так — безлично изображается зачастую обстановка действия. Каменский нечестно полураскрытого здания, в котором охватываешь промокшие, замерзшие и измученные комсомольцы — героические

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

«Итак, для нас всесторонность — не в самом предмете, а в знании о нем, в понимании закономерности характера. Значит ли это, что мы забываем о значении реальной жизни в искусстве и важности борьбы за все более полное и смелое обращение к ней писателей? «Забывать» об этом нельзя. Верность жизни — основной закон реализма. Но правда жизни — это еще не правда искусства. Называя правду тем качеством литературы, без которого в ней не может быть никаких достоинств, Добролюбов тут же разъяснял: «...правда есть необходимое условие, а еще не достояние произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

ПРАВОЕ, СПРАВЕДЛИВОЕ ДЕЛО

Я убежден, что на прошлой неделе миллионы радиоприемников во всех уголках Европы каждый вечер были настроены на московские волны. Совещание по обеспечению мира и безопасности в Европе, хотя и проходило без участия Англии, Франции и США, вызвало интерес — я не боюсь сказать: жадный интерес — десятков миллионов человеческих умов, для которых не безразлично будущее народов Европы и всего человечества. И хотя западные державы пренебрегли тем, чтобы принять участие в Совещании и сказать народам ясное и решительное слово о будущем Европы, хотя вместо этого они безрасудно и беззастенчиво, злонамеренно и враждебно делают ставку на грязную карту репатризации Западной Германии — это слово было сказано. Оно было сказано устами того, кому принадлежит высший нравственный авторитет в мире, — устами Советского Союза, устами государственных деятелей тех восьми европейских стран, народы и правительства которых представляют неразрывное единство мысли и действия. Это важное обстоятельство не может не заметить даже самое близорукое существо.

Семена, посеянные Московским Совещанием, не могут не взойти. Почва всей Европы разрыхлена, а в этих семенах заложена такая жизнеспособность, что не придется долго ждать первых всходов этого посева. Не будем говорить слишком образно. Простые, честные люди Европы, — все равно, будь это Йвер из Марселя или Лиона, или Джером из Шеффилда, или Валтер из Гамбурга или Эссена, или Ян из Роттердама, или Пауль из Антверпена, — все они, несмотря на различия в политических или религиозных взглядах, сойдутся в одном: не нужно войны, пусть победит мир.

Люди, думающие так и составляющие подавляющее большинство среди всех народов Европы, в силу своего единства удалось разбить планы создания европейского оборонительного сообщества. Враги мира, очевидно, сказали себе: мы допустили тактическую ошибку — дали народам слишком много времени, и они успели кое-что вспомнить и организовать свою оборону против угрозы репатризации Западной Германии. Не потому ли в такой спешности сдвинули они лондонское и парижские соглашения и газетом начали гнуть их в ратификации?

Враги мира явно опасаются, что народы

Многие тысячи подписей протеста против вооружения Западной Германии собраны во Франции. Эти ребята жадно терпеливо дождались, пока их мать поставит свою подпись под петицией в Комитете борьбы за мир XIX округа Парижа. Снимок из французского журнала «Фем франсез»

Европы снова поднимутся против планов восстановления западногерманского вермахта. Западные политики действительно быстро гляди по этому дьявольскому пути, но Советская нота о союзе общеввропейского Совещания стала для их гнусной упряжки препятствием посреди дороги, которое нельзя перепрыгнуть, нельзя объехать. С редкой откровенностью охарактеризовал эту ситуацию один из американских комментаторов: «Для нас не составляет труда формально отвести советские предложения, но что делать с общественным мнением Европы, которое их встречает благоприятно?»

Нет уже таких способов обмана, нет таких пропагандистских трюков, которые можно было бы использовать с мало-мальским успехом, чтобы доказать простым людям, будто очаг военной опасности находится в Советском Союзе, либо в Чехословакии и Польше, а гитлеровский шпидырь Кессельринг и его говорильщики — ангелы европейского мира. Герр Бланк недавно на предвыборном митинге в Лутебурге на собственной сцене испытал, каково мнение об этих вожжах самих немцев. Бланк был встречен возмущенными криками и свистом. Герр уполномоченный боннского правительства по вопросам «безопасности» постыдно бежал от избирателей на полицейской машине. История с Бланком, — разве не показывает она, как относится радовой немец к возрождению германского милитаризма?

Московское Совещание сказала о проблемах мира и европейской безопасности наше слово, высказало наш взгляд, единодушный взгляд многомиллионного лагеря мира и демократии. Это слово с великим гуманистическим содержанием и значением, слово, которое на могучих крыльях пролетело над всей Европой, указав перспективу каждому честному человеку.

Требование «мира» — звучит со всей твердостью, со всей моральной решительностью и действительной верой в себя. Не из боязни, не из страха, но из самых чистых гуманистических принципов призывает нас могучий лагерь демократии к укреплению и защите мира.

Но горе тому, кто попытается поднять на нас меч! Московское Совещание со всей выразительностью предупредило тех, кто возрождает и сколачивает силы агрессии: не играет с огнем!

Восьмь лет тому назад, после юрбургского скандала подслушанных гитлеровских генералов Кейтеля и Гольдшмидта, в беседах с товарищами по разбойничьей шайке — гитлеровским дипломатом Риббентропом и фашистским идеологом Розенбергом. Какой предостерегающий пример! Страшный гнев всех европейских народов встретил организаторов новой агрессии.

Московское Совещание — это акт мудрости, силы и человечности, акт, снова подчеркивающий ту высоко гуманистическую, в лучшем смысле этого слова, точную зрелость, с какой Советский Союз и весь лагерь мира смотрят на проблемы мирного, плодотворного сосуществования народов.

Наш человечный народ именно в эти дни проявил неразрывное единство ума и сердца. В деле защиты мира, в деле нашей верной дружбы с Советским Союзом и советским народом, в деле обороны нашей демократической родины все честные люди и словаки, как один, идут за своим народным правительством.

Мы верим, что великая материальная сила, какую представляют собой здоровые элементы европейских народов, теперь, после Московского Совещания и Декларации восьми миролюбивых государств, еще решительнее встанет против агрессивных замыслов. Мы верим, что европейские народы похоронят новые планы возрождения немецкого милитаризма, закроют все преступные пути, ведущие к войне.

Ян ДРДА, чехословацкий писатель ПРАГА, 6 декабря. (По телефону).

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

— Ну вот, его борьба сделалась теперь твоей борьбой! — злодеицим тоном заявляет дядя Сам боннский канцлер Конрад Аденауэр, изображенному на этом рисунке художника Леонхарта, вятком нами: из выходящей в ГДР газеты «Тегелише рундschau». В руках Аденауэра — лондонское соглашение, а перед глазами — услужливо раскрытая американцем программа фашистской агрессии — «Моя борьба» Гитлера.

В самом деле, ратифицировать лондонское и парижские соглашения значило бы открыть перед германским милитаризмом путь к новым военным авантюрам. Впрочем, как показывает факт, к этому и велет внешняя политика западных держав.

Государственные деятели и печать США не раз проговаривались о том, что мирное сосуществование Германии не в интересах американского империализма, что раскол Германии и репатризация западной ее части являются основой политики «позиции силы», которую Соединенные Штаты проводят сами и хотят навязать всем западноевропейским державам. Приводимые ниже цитаты лишней раз подтверждают это.

«В настоящее время мы не можем рассчитывать на объединение Германии. Мы должны сделать все от нас зависящее в том районе, на который может распространиться наше влияние».

Из заявления бывшего государственного секретаря США Маршалла в 1947 году.

«...С военной точки зрения нейтралитация Германии означала бы не только потерю ее потенциала, но и значительное ослабление нынешней оборонительной организации Западной Европы».

«Если решение германской проблемы путем соглашения с Советским Союзом повлекло бы за собой согласие на создание нейтральной Германии, это означало бы отказ от всякого немедленного вклада немцев в оборону Западной Европы и повлекло бы за собой значительное изменение любой концепции достижения позиции силы».

Из книги «Основные проблемы внешней политики США в 1954 году», опубликованной в Вашингтоне.

«Германия снова стала сильнейшей экономической державой в Европе, а потенциально — сильнейшей военной державой... Это люди, которые полны решимости возместить экономические потери войны и вновь обрести свое значение в мире. В Германии нет такого благодухия, какое царит в Англии: нет такого безразличия, какое существует во Франции...»

Из статьи «Новая Германия — ядро новой экономики Европы?», помещенной в американском журнале «Бизнес уин» 12 декабря 1953 года.

«В течение короткого времени... Западные Германия станет сильнейшей страной не только континента, но и Европы в целом. Тогда она сможет — как, впрочем, начала уже сейчас — навязывать свою волю европейским странам с помощью убеждения или, если понадобится, с помощью силы».

Из книги Ганса Габе «Наша любовная интрига с Германией», изданной в Нью-Йорке в 1953 году.

Дефицитный пафос

С заключением сепаратных лондонского и парижских соглашений о возрождении германского милитаризма в Бонне наблюдается повышенный спрос на «высокий пафос», проще говоря, — на покорную готовность населения лезть в мясо рубку новой войны.

Однако, судя по некоторым высказываниям западногерманских газет, спрос на «высокий пафос» сильно превышает предложение... Выходящая в Штутгарте газета «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг» посвящает этому вопросу специальную статью, многозначительно озаглавленную «Недостаточный пафос».

Газета бьет тревогу по поводу, как она пишет, «обнарткования высокого пафоса военной доблести, который когда-то вдохновлял поэтов».

По откровенному заявлению газеты «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг», Бонну донельзя необходим «высокий пафос» прежде всего для того, чтобы привить солдатам будущего вермахта мысль, что «они нужны вовсе не только в целях лустой угрозы» по отношению к миролюбивым народам, а «для борьбы», то есть агрессии, «и — гибели».

Однако эта небесная перспектива отнюдь не ублажает широкий слой населения Западной Германии, в частности молодежи. Характерно, что даже один из органов аденауэровской партии — газета «Мюнхнер меркюр» признает: «Можно было бы принять за престоющую репатриацию с закрытыми глазами, если не учитывать, что она отклоняется широкими слоями западногерманского населения. Ее отклоняют не отдельные части населения или отдельные политические группы, — отрицательное отношение к ней пронизывает весь народ». Примечательное признание!

Вернер ИЛЬБЕРГ, немецкий писатель.

ИДЕИ РЕВАНША И ИДЕИ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Нигде и нигде в Западной Германии не говорят о военном поражении тысячу девятьсот сорок пятого года. То, что произошло тогда, стыдливо называют «переломом» — словечком, позволяющим избежать ассоциаций как со словом «разгром», так и со словом «возрождение». И в самом деле, нельзя было назвать рождением нового то, что было проделано в ту пору, — западные союзники сделали все, чтобы помешать лучше и по-новому организовать эту часть Германии...

Западные союзники, которые, войдя в Германию, рекламировали себя освободителями, ясно продемонстрировали, что они не придают никакой цены словам, употреблявшимся ими вначале. Уничтожение картелей, земельная реформа, наказание военных преступников и поджигателей войны. Все, что они говорили об этом, оказалось обманом. Потом они оклеветали Советский Союз — своего вчерашнего союзника, который один остался верен Потсдамскому и Ялтинскому соглашениям. И очень скоро, свернувшись было, в силу необходимости, старый флаг антикоммунизма взвился вновь. Американская идея крестовых походов нашла похляпых приверженцев — нагнать бодро выпозиции из своих нор и были обласканы, как желанные союзники.

Какжется настоящим чудом, что при такой ситуации на западе Германии возникает литература, заслуживающая названия гуманистической. Если сегодня мы можем говорить о начале возрождения в западногерманской литературе, то этому способствовали два обстоятельства: во-первых, это страна, идущая со времен классиков, традиция, которая все-таки сохранилась, вопреки омерзительности и вопреки старому и новому террору. И, во-вторых, то, что жители Западной Германии, как и все народы мира, узнали ужасы войны, слезы, горе, и они не хотят ужасы войны. Сопротивление растет и здесь и отражается в литературе, хотя пока еще в очень скромных размерах. Необходимо со всей настойчивостью подчеркнуть, что сектор литературы в Западной Германии, заслуживающий названия прогрессивный, еще очень и очень мал.

В книжных магазинах мы находим подавляющее своим количеством американские, английские и французские произведения. Но напрасно вы будете требовать романы Фауста или Арагона. Зато очень много книг ренегатов, врагов прогресса со всего света. Библиотечные полки завалены авантюриными романами, которые, пролегуя жестокость, хорошо служат делу подготовки войны. И, наконец, выходит огромное количество воспоминаний и мемуаров, в большинстве случаев откровенно фашистских.

Однако некоторые издатели, делая легкий поклон в сторону демократии, публикуют произведения, которые и в свое время, до 1933 года, когда они были напечатаны, лишь условно можно было назвать оружием борьбы против фашизма. Но, во всяком случае, читатели, которые обращаются к этим книгам, самым своим выбором показывают, что они не имеют ничего общего с наглой реакцией. И это следует отметить как положительное явление.

Как известно, процесс фашизации Западной Германии протекает под покровом лжи и псевдодемократических форм. Побуждая маскировку мы наблюдаем в литературе. В качестве примера может служить отрицательный расказ Рихарда Газеманна о его пребывании в советском плену. Но затем он опубликовал, очевидно, автобиографический репортаж о непрерывных отступлениях гитлеровской армии начиная с 1943 года под весьма выразительным заголовком «Преследуемые». Герой этого репортажа — ловкий паренек, который умеет выкрутиться из самых отчаянных положений и всегда, чуть ли не единственным, остается в живых после всех переделок. Этот типичный ландскнехт считает себя умней и своего непосредственного начальства, а о генералитете вообще нечего говорить! Гитлеровские генералы, утверждает он, всегда первыми обращались в бегство и вели чрезвычайно комфортабельную жизнь вдали от передовых позиций. Таким образом, даже Рихард Газеманн невольно разоблачает разложение фашистского вермахта.

Книга Рихарда Газеманна примечательна, главным образом, тем, что в ней, правда, лишь в виде отрывочных замечаний, встречаются неожиданные, странные для подобной литературы фразы. Например, рисуя сцену расстрела советских военнопленных немецкими солдатами, Газеманн говорит: «Это настоящие убийство». Он боится, что кара за это преступление «...обрушится на наши головы».

Подобные мысли в книге, которую, тем не менее, в главных ее разделах нужно классифицировать как явно фашистскую, показывают, что даже эти столь багущие американцами «герои» замышляемой новой войны против Советского Союза не могут отделиться от мысли об ответственности за преступления и, таким образом, становятся почти непригодными для предначинанной им роли.

Романом о вернувшихся из плена является много. В них повествуется о людях, возвратившихся на разбитую родину и не нашедших ни семьи, ни друзей. Они вояжи, но не знают, за что. Идея, которые вынашивали ни Розенберги и компании, оказалась грубой ложью. Новый порядок, который они застали, оказался старым. Они спрашивают о смысле своих страданий и принесенных ими жертв. Но их ушиб, как ватой, заложены и старым и новым антикоммунизмом, и они не слышат того ответа, который дает на этот вопрос Коммунистическая партия Германии.

Вместо этого книги указывают им козлов отпущения: иногда, размышляя, и сами приходят к подобным выводам. Вынашено прежде всего государство, не буржуазное государство, а государство вообще. Так рождается более или менее последовательный анархизм.

Особенно остро он проявляется в романе Герда Райзера «Раздвигая голос». Герой этой книги, возвратившись на родину, стоит в стороне от жизни. Он с трудом приспосабливается к боннскому порядку. Везде он видит господство бюрократизма. Бюрократизм и государство для него сино-

нимами. Ему хочется бежать от их гнета. Так возникает своего рода новый романтизм... Люди с тоской смотрят в даль ушедших столетий, на жизнь ковчегов, у которых была «свобода передвижения», и в ней они видят олицетворение подлинной свободы. Вольные, ни с чем не связанные рыбаки, охотники, пастухи и моряки представляются им образами настоящих людей... Так рождается призыв к бегству от действительности и ответственности. Но вот автор делает неожиданное salto и к уже перечисленным профессиям присоединяет «профессию пилота дальних бомбардировщиков», так как и эта профессия «свобода от гнета тупого повторения». Это смесь анархизма и романтики, примитивизма и новейшей техники... Действие романа происходит в 1946—1947 гг., и поэтому герой — фашистский офицер — не может сразу занять командную должность в политике или в хозяйстве, достояние «представителя расы господ». Сегодня этот господин, разумеется, мог бы возглавить пост в военном министерстве господина Бланка, в этом и сомнения быть не может.

Подобные романы, от которых обычно несет запахом «крови и почвы», спекулируют на антикапиталистических тенденциях масс, чтобы повести их по ложному пути. Им подобным книгам — легоно. Каждая из них предлагает свое средство «исцеления», но ни одна не указывает верного. Само собой разумеется, что все эти ядовитые пилоты преподносятся только в положительном виде. Во многих из этих произведений телится какой-то остаток человечности: то это дружба, которая греет и делает привлекательной всю книгу, то высшей ценностью объявляется порядочность и готовность прийти на помощь, то есть, в сущности, самые естественные чувства. Но за всем этим скрывается только отрицание всякой идеологии, дурацкий, наивный агностицизм. Герои всех этих произведений когда-то верили, горели, потом разочаровались и теперь боятся снова связать себя чем-либо. Разумеется, подобные настроения вслещки поддерживаются Бонном и боннскими газетными писателями. И друзьям мира нужно преодолеть эти тенденции.

Воля к миру в народе сильна. Это невольно подтверждает тот же Райзер в своей второй книге «Умирающий истребитель», являющейся историей одного аэродрома в Скандинавии в последние годы войны. Эта книга — сплошное прославление «солдатских добродетелей». Она написана на грубой смеси языка коминсов и студенческого жаргона. Люди в ней являются только пущенным мясом. Герой книги — летчик-истребитель — выходит бы всегда победителем, если бы на стороне противника не было количественного и качественного превосходства. Автор всячески старается спасти себе столь почетаемой «священной солдатчины». Но в конце книги один из битых летчиков говорит: «Пусть будут прокляты те, кто довел нас до этого... Пусть будут трижды прокляты те, кто впоследствии и слышать не захочет о нас... Пусть будут трижды прокляты те, кто еще раз затеет все это!»

Кайзер в своей «звонкоиспанной» объективности оставляет открытым вопрос, являются ли эти слова его собственным мнением. Однако то, что он произносит их в конце книги, делает это вероятным. Кроме того, они показывают, что даже такого рода литература не может в той или иной форме не считаться с мыслями и волей народа. Конечно, она далека от того, чтобы активно воздействовать на читателя. Но, живя в Западной Германии, которая находится под американским господством, мы научились быть скромными, и мы благодарны за каждое человеческое и миролюбивое слово.

Переходим теперь к более отрядным явлениям. Перед нами книга, которая кажется белой вороной. Она принадлежит тоже участнику второй мировой войны — Отто Кюннеру и называется «Школьные годы». Отто Кюннер изображает в своем дневнике в манере, которую действительно можно назвать самокритичной, ужасы и кошмары, обрушенные на Советскую страну. Его книга выгодно отличается от остальной, типично боннской макулатуры тем, что она свободна от жажды и самому себе, которая до сих пор столь характерна для «расы господ». Правда, Кюннер тоже остается слеп к величии первого в мире рабочего и крестьянского государства, но его человечество преодолевает все государственные границы, даже те, что ведут на Восток... «Во многих русских коммундах висят на стенах те же пестрые детские рисунки, что и у нас: дом с подымающейся из трубы дымом и широкая коричневая дорога, которая ведет прямою линией в деревню...» — пишет он. Писатель сознательно хочет служить миру, его символ веры можно сформулировать совсем кратко: любовь всемуцелу, ненависть ложна исчезнуть. Самое лучшее в книге то, что Кюннер искренне стыдится вины немцев. Он, этот сын пастора из южной Германии, является сейчас орудием надежд западногерманской литературы.

То же самое, хотя и в несколько меньшей степени, относится к Дороте Голлатц. Ее написана теплая, полная жизни книга — «Кто из нас без греха?». Это произведение женщины, которая плачет с плачущими, страдает со страдающими, это роман о деревне, в которой страдания накапливаются, «как вода в глубоком колодезе». И повинна в этом война — «эта безжалостная война». Писательница надеется, что когда-нибудь войны исчезнут с лица земли, но не знает, какие пути ведут к этой цели, ибо она не принимает в расчет силу борющихся людей и ей остается только верить: «И меч божьего слова окажется в конце концов сильнее, чем все оружие в руках человеческих». Эта позиция отречения, вероятно, не столь уж неприятна господам из боннского военного министерства; она не кажется им опасной. Тем не менее, мы можем и должны радоваться художественно сильному произведению и приветствовать его автора как нашего союзника.

Обратимся теперь к произведениям, которые прямо атакуют Бонн и боннские учреждения, даже если эти атаки пока что состоят только в разоблачении. Все они являются следствием и признаком растущего в народе сопротивления реваншизму. У многих из них уже известно советским читателям, поэтому мы лишь кратко их охарактеризуем. Это, во-первых, роман Вольфганга Кеппена «Теплица». В изображении здесь боннского парламенте все искусственно. Воздух здесь тяжелый, нездоровый, вредный, вездю царит похоть, но нет любви, здесь много черноты, но нет человеческого. Роскошные и великопозомы дома высются в Бонне на Рейне, все здесь германское, от рейнских корпораций до Лорелы, и все приправлено импортной американской манной величия. И все кажется тропически-пыльным пейзажем в тяжелом сне. И тот, кому это снится, — это Кейтхенхоф, «опозиционный» депутат. Исполненный надежд, вернулся он из эмиграции, потом разочаровался и утратил любовь к жизни.

Автор наделает своего героя глазами, подобными рентгеновским лучам, но не в силах наделить взглядом, необходимым для установления правильного диагноза.

Бонн был затет появлением этой книги. В ней ясно показаны гниль боннского государства и разочарование в нем народа, обманутого в своих надеждах.

Честные депутаты, как Кейтхенхоф, сами становятся жертвами этой системы, жертвами торговцев смертью, тех подлинных властителей, которые стоят за парламентом. Кейтхенхофе кончат с собой. Однако тем временем — книга вышла в прошлом году — политические деятели, подобные доктору Иону и Шмидт-Витмаку, нашли лучший выход из ничтожной боннской действительности — путь в жизнь. Мы можем надеяться, что этот новый и обнадеживающий путь найдет отражение в западногерманской литературе.

В ряду критических произведений относятся и «05/15» Гельмута Кирста, книга, вокруг которой бушевала такая борьба, которую вряд ли когда-нибудь знала Западная Германия. Но существование Бонн должен был бы приветствовать эту книгу. Господин Бланк обещал, что «желанный» боннский вермахт будет насков демократичным. Но не успела выйти эта книга, как поднялся дикий крик. А ведь книга Кирста, на мой взгляд, направлена не против милитаризма, а только против его чудовищных проявлений.

Бланк и его чиновники были вне себя от ярости, и это явилось лучшим доказательством того, что все их прекрасные слова о демократизации вермахта служат только приманкой. До выхода этого романа кое-кто еще мог утверждать, что нет никаких доказательств того, что немецкий народ на западе Германии отвергает планы Аденауэра. Теперь стало совершенно очевидным, что эта книга вызвала делую антимилитаристическую волну. Не менее девяносто процентов всех читательских корреспонденций, связанных с книгой Кирста, более или менее последовательно высказались за отказ от политики войны.

Возвещая всех свободных и миролюбивых людей, написанных в Западной Германии, является роман молодого писателя Готхольда Логера «Филомела Клейншис неслеза знамя». На этого автора мы возлагаем очень большие надежды. Логер, бесспорно, самый талантливый среди молодого поколения наших писателей. Логер описывает судьбу одной гессенской деревни в кайзеровские времена до наших дней. Дважды жители этой деревни выселились — в 1914 году при кайзере, в 1935 при Гитлере, — и каждый раз после этого начиналась война. Но когда американцы в третий раз отдают приказ выгнать всех крестьян с насвоенного места для того, чтобы построить здесь аэродром, крестьяне, объединившись с городскими рабочими, оказывают сопротивление этому приказу.

Логер повествует вкратце, увлеченно и занимательно. В каждом из его эпизодов изображены характерные и типические черты людей и обстоятельств. В этом большая сила книги. Каждый читатель, знакомый с обстановкой в стране, находит ее отражение на страницах книги. Правда, в романе не показано, кто именно стоит за кулисами событий, не показаны исторические события, развертывающиеся на широкой арене. Книге недостает строгой композиции. Но, как бы там ни было, остается радостным фактом, что талантливое литературное произведение о растущем сопротивлении масс реваншистским планам написано молодым писателем именно в этой части нашей страны. Неудивительно, что роман не мог быть издан в Западной Германии. Книга вышла в ГДР и неславо была удостоена премии Генриха Манна.

Все эти признания говорят о том, что мы находимся на переломе, что литературная ситуация начинает соответствовать ситуации политической. Конечно, было бы лучше, если бы мы могли заявить, что она опережает ее. Но, если не считать Логера, это еще не так. И все же критический реализм проснувшись к новой жизни. Это особенно подтверждается целым рядом чрезвычайно правдивых очерковых книг (таких, например, как отчет Дистельбарта о своей поездке в СССР и книга Маггаса «Открытие Америки в 1953 году»). Но их мы не рассматриваем в этой статье.

Создается впечатление, что литература Западной Германии после двадцати лет лжи пытается вернуться на путь к правде.

1 «Кровь и почва» — типичные термины фашистской пропаганды. (Ред.)

2 О романе В. Кеппена см. также в «Литературной газете» от 7 августа 1954 года в статье «Книги, разоблачающие боннских реваншистов». (Ред.)

3 О книге Г. Кирста см. также в «Литературной газете» от 4 ноября 1954 г. в статье А. Зегерс «Несколько собраний о полях дискуссии», о письмах западногерманских читателей по поводу книги см. также в «Литературной газете» от 13 июля 1954 года. (Ред.)

4 О книге Логера см. в статье «Книги, разоблачающие боннских реваншистов» в «Литературной газете» от 7 августа и от 4 ноября 1954 года в статье А. Зегерс. (Ред.)

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Почувствовать красоту деянйя

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

строители узкоколейки в романе Н. Островского, был не просто «обстановочной» действия; он характеризовал типические обстоятельства действия и через это — героизм деятелей. Анализа огромных цехов в сегодняшнем романе о труде чаще всего не передает неузнаваемо иную специфику сегодняшнего героизма, и потому она не более, чем нейтральный фон, а должна быть началом знакомства с героем. Такой же безличностью страдает порой и сюжет «спроизводственного» романа. В центре его обычно — сложная техническая задача, решаемая трудовым коллективом. Выполнение этой задачи способно стать важным поворотным моментом в личной судьбе человека. Но в романе этого пересечения общего дела масс и индивидуальной судьбы отдельной личности мы далеко не всегда улавливаем, потому что технико-экономическая задача не переводится писателем в план психологический и не становится у него предост характеристикой героя. В результате возникает тягостный разрыв между «судьбой» дела и судьбой деятеля. Автор рассказывает нам о больших трудовых победах, а нам не верится, что их совершил этот герой, менее всего покойный на победителя. И в этом — в душевной бедности героя и возникающей отсюда общей прилиственности атмосферы книги — следующая (иногда без бедности образом) причина схематичности таких романов. Так разве здесь поможет обращение к быту? Как будто недалекий человек покажется нам мудрецом, если мы дополнительно к его неумным речам на производстве услышим его глупые объяснения в любви.

Но что же тогда, если не обращение к быту человека, поможет этим романам? Обращение к его делу. Беда производственных романов не в том, что в них нет быта, а в том, что в них нет дела в его истинном и всеобъемлющем значении. Давно уже принята на вооружение мысль В. И. Ленина: «Не понимая дела, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Но ведь В. И. Ленин требовал понимания дела, а авторы плохих романов о труде ограничиваются его обозначением. Отсюда и предсказанный В. И. Лениным результат — чисто внешнее понимание людей. Отсюда утратившая описательность многих наших книг (и не только о труде), которая

вовсе не является, как думают некоторые, реализмом второго ранга, но прямо враждебна реализму. Призыв к всесторонности, не помогающая бороться с экстенсивной художественной обработкой огромных жизненных массивов, обходит тем самым главные наши трудности.

Однако не только сегодняшние нужды литературы, ее всемирно-исторические задачи не учтены в нем. Всем сторонам жизни человека открыт доступ в искусство. И, может быть, уже обдумывается книга «о личном мотивах об общем быте», которая явится широким художественным обобщением советской эпохи. Но главные обязательства советской литературы — в теме труда. Социализм открыл искусство возможность показать труд во всей его необычайной роли — как первое основное условие существования человека и как первую жизненную потребность его. Это грандиозно раздвинуло границы художественного освоения мира, включая в искусство огромные пласты жизни, считавшиеся раньше непостижимыми. Но для этого чтобы это художественное освоение было действительно художественным, тематическое открытие должно стать открытием образным, открытием типичного героя, воплощенного в практике своего бытия практику своего времени. В типе, выражающем авторское понимание общества в целом, главное — предельно заострено. Иначе невозможно передать логику социального развития, в индивидуальной закономерности — историческую. И это тоже не учтено защитниками всесторонности, рискующими развить главное в избыток разного.

Советская литература накопила большой и очень ценный опыт в создании образа деятеля. И все-таки для того, чтобы рядом с Гамлетом, Лиром, Фальстафом, Отелло, Ромео; рядом с Тартюфом, Чичиковым, Гобсексом, Обломовым, Кайлом Самгиным, — а именно такой масштаб обязателен для нас, — до правды встал новый герой, вобравший в себя все социологию, философию и практику социалистического труда, надо еще много поработать. И прежде всего надо понастоящему понять и почувствовать «изумительнейшую красоту деяния» (М. Горький), создавшего все лучшее на земле.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Московская, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разд. литературы и искусства — К 4-02-29, внутренняя жизнь — К 4-84-28, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммуитар — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.